

Глава 1

Фотограф Живодеров

Зимин смотрел в окно.

Двор был как двор. Полдень и пустота, скука. Даже вороны, промышлявшие по балконам мелким воровством, и те куда-то свалили. Полдень, пустота и скука, потом где-то посыпались бутылки, что-то бумкнуло, и из подворотни вылетел мохнатый, похожий на маленького медведя пес.

Пес был не один. За псом на веревке тащился человек. Тащился в буквальном смысле — по земле, вернее по асфальту. Ну и по земле тоже, конечно. Вскрикивая, переворачиваясь, врезаясь в бордюры, столбы и другие складки дворовой местности.

Зимин подумал, что где-то он подобное уже видел. В кино. Там людишек привязывали к коням и таскали по страшным буеракам с наказательно-вразумительными целями. До тех пор таскали, пока здоровье таскаемых окончательно не расстраивалось. Но то, что человека тащила собака, показалось Зимину необычным и новым, такого он еще не видел.

Пес бежал быстро. Опрокинул лбом мусорный бак, из бака разлетелись пестрые консервные банки. Что прибавило происходящему бесшабашности и веселья.

Человек продолжал что-то кричать и пытался зацепиться конечностями за окружающий ландшафт.

Зацепиться не удавалось.

Псина проскочила двор по диагонали и ворвалась на детскую площадку. Остановилась. Человек на веревке попробовал встать, но пес снова рванул, и человек упал. Собака врубилась в фанерный игрушечный поезд, втащила за собой своего преследователя. Человек стукнулся головой о первый вагон, но веревку не выпустил, стукнулся еще раз.

А потом еще, еще и еще. С каждым рывком. И все лбом. Он стукнулся лбом так много раз, что Зимин даже позавидовал крепости его черепа. И подумал, что все-таки долго при таком усердии и самая крепкая голова не выдержит, терпению любой головы положен предел сопромотом...

Но голова выдержала, не выдержала детская площадка. Фанера треснула, человек пролетел через вагон, пес ломанулся в подъезд. Человек втащился за ним.

Двор снова опустел.

Зимин хотел подумать про это происшествие что-нибудь оригинальное, не каждый ведь день такое встретишь, но не успел. Поскольку в комнату заглянула мать.

— Зимин, ты бы, что ли, в магазин сбегал, — сказала мать.

Зимин поморщился.

— Ну не морщись, Зимин, — улыбнулась мать. — От этого морщины на затылке образуются. Сходишь?

В голове Зимина пролетели способы отмазки от похода в магазин. Простуда. Плохое настроение. Маньяк-щекотун.

Сослаться на простуду нельзя — весна на дворе, на простуду всем плевать. На плохое настроение плевать еще больше. Оставался маньяк.

— Я бы, конечно, сходил... — неуверенно сказал Зимин. — Но там ведь это... Маньяк.

— Какой еще маньяк? — устало спросила мать.

— Щекотун.

— Какой? — мать не выдержала и рассмеялась.

— Щекотун, — повторил Зимин. — И ничего тут смешного нет. Два дня назад он поймал Ляжку, ну, ты его знаешь. Обмотал скотчем так, что тот не мог шевельнуться, и давай пятки щекотать! Два часа щекотал. И на видео все снимал...

— Я твоего Ляжку сегодня видела. Вполне процветающий обормот. Ничуть не защекотанный. Даже поправился.

— Конечно незашчекотанный, — согласился Зимин. — Его люди спасли. Наш трудовик шел в гараж, видит — человека защекотывают. Подошел, выручил. А маньяк в неизвестном направлении скрылся, да. Не исключено, что он еще там рыщет...

Мать снова вздохнула. Но уже не устало, а раздраженно:

— Деньги и список на столе. И давай без всего этого, ладно?

Вообще в магазин Зимина посылали не часто — он все время покупал не то, что было надо. Вместо муки покупал крахмал, вместо уксуса — водку, а вместо творога — адыгейский сыр. Мать вздыхала и говорила, что ей проще сходить самой, чем посылать такую бестолочь. Поэтому, если уж Зимина и посылали в магазин, например у мамы у самой болела голова или по телику шел фильм про любовь, то всегда вооружали запиской с точным указанием, чего и почему надо купить. Зимин вздыхал, Зимин мялся, страдал и оттягивал момент, но потом все-таки хватал сумку, запасался деньгами и брел через дорогу в «Ягодку».

Именно с похода в «Ягодку», кстати, и началась вся эта история.

— Мне еще обед готовить, между прочим, — сказала мать, — так что без лишних разговоров давай. В магазин, в магазин.

Зимин лихорадочно прикидывал, как все-таки отбрыкаться от шопинга. Но на скорую руку ничего не придумывалось. Поэтому Зимин соврал банально:

— У меня нога болит, ма.

— Ничего у тебя не болит, — сказала мать. — Дуй. Деньги и список...

— ...на столе.

Зимин оделся, прихватил деньги и список товаров, хлопнул дверью и побежал по лестнице.

По пути вниз он корябал ключом стену и размышлял о превратностях своей несчастной судьбы и о том, что скоро лето, а на лето его загонят в деревню. А в деревне хоть вешайся — в телевизоре одна программа, комары размером вот с ту мохнатую собаку, а местная молодежь интересуется лишь танцами и совершенно дика, не отличит CD от DVD. И уж конечно никакого тебе компьютера! Ноутбук папахен не даст, это стопроцентно, а следовательно, три летних месяца можно из жизни просто-напросто вычеркнуть... Но за три месяца можно было бы попробовать прокачаться до семнадцатого уровня... Но теперь про излюбленные игры придется позабыть. Время пропадет зря, совершенно зря...

Зимин вспомнил огромные бабушкины пироги, которые, чтобы бабушку не обидеть, приходилось есть. И густое молоко, которое надо было пить «для роста». Вспомнил — и привычно ужаснулся.

Избежать деревни не удастся, это ясно. Мать считает, что Зимину полезен деревенский воздух, и деревенские продукты тоже полезны — они ведь «экологически чистые» и насыщены полезными бактериями. Мать не переубедить, это железобетонно. Можно попытаться на

самом деле заболеть, но это тоже не выход: заболеешь — мать запретит компьютер, ведь она считает, что он «излучает».

«Мать безнадежный человек», — подумал Зимин в трехмиллионный раз, вздохнул и вышел на крыльцо.

Народу во дворе по-прежнему не наблюдалось. Зимин стильно, сквозь зубы, плюнул в клумбу и потащился в направлении магазина «Ягодка». Чтобы не терять времени совсем уж зря, он пинал ногой нарядную консервную банку. С банки легкомысленно улыбалась невкусная атлантическая макрель.

Зимин пинал банку до половины пути. Едва завиделся магазин, он столкнул ее в канаву — звуковая демаскировка в районе «Ягодки» была ни к чему.

Поскольку в районе «Ягодки» водилось некоторое количество хулиганов.

Хулиганы уже давно никому не досаждали — в силу того, что окончательно разложились от обилия стимуляторов, но все равно лишний раз встречаться с ними Зимину не хотелось. Обычно хулиганы сидели на завалинке супермаркета «Ягодка» и смотрели на окружающих скучными глазами. Когда Зимина посылали в магазин, хулиганы всегда спрашивали, нет ли у него мелочишки. Если мелочь была, Зимин никогда не жадничал, и хулиганы были ему благодарны.

— Спасибо тебе, курок, — говорил вождь хулиганов однорукий Крюг, — не дал очочуриться, а Гильгамеш — он все видит...

И Крюг скрипел по бетонной стене своим крюком, хрипло, по-стариковски смеясь. На самом деле Крюг был всего на три года старше Зимина, просто как-то раз он глушил в соседском пруду бычков с помощью бомбы, построенной из огнетушителя. В результате ему оторвало руку рядом, с тех пор он и стух от нечего делать.

Но в тот день возле магазина было тоже странно пусто — хулиганы куда-то делись, даже вечно дежурного Крюга не было. Зимин повертел головой с целью обнаружения возможных стражей правопорядка, но и те отсутствовали, окрестности были непривычно безжизненны. Тогда Зимин вошел в «Ягодку», приобрел похожий на бейсбольную битую французский батон, приобрел молоко с ванилью для матушки и пиво с вишней для папахена, кинул два рубля побирушке и двинул назад.

Возле дома № 17 по улице Промышленной Индустрии Зимин остановился вытряхнуть из кроссовки назойливый камешек. Прислонился к стене и, балансируя на одной ноге, принялся ловить в районе носка чертов булжик и думать о вселенской мировой подлости, как вдруг из-за угла послышалась ругань, а вслед за руганью появился хулиган низшей иерархии Бахыт Аюпов. Впрочем, Бахытом его никто не называл, все называли Монгольцем — за раскосую физию и подловатые повадки.

Зимин вспомнил, что в передаче про то, как Александр Македонский взял да и завоевал весь мир, говорилось, что Бахыт на каком-то их там языке означает «счастливый».

Монголец не выглядел счастливым, Монголец ругался и волок на веревке здорового лохматого пса неясной породы. Зимин пригляделся и увидел, что это тот самый пес, который не так давно устроил погром на детской площадке, произвел опрокидывание мусорных баков и организовал другие безобразия. А Монголец — соответственно, тот самый человек, которого таскали по асфальту и неоднократно били головой. Об этом свидетельствовали несколько шишек на лбу Монгольца, расцарапанная рожа и изодранная по фасаду туловища рубашка. Пес постарался.

Впрочем, сейчас он был вполне образумлен, несильно упирался, но по его морде было видно, что он уже смирился со своей участью и стал непротивленцем злу насилием. Совсем как граф Л. Толстой, про которого Зимину как раз недавно рассказывали в школе. Вид у пса был капитулянтский и жалкий.

Сам Монголец был невысок, сутул и неопасен. Неопасен, почти всегда неопасен. Зимин это знал, но, чтобы придать себе уверенности, посмотрел на часы и зевнул. Монголец увидел Зимина и сделал объяснительное лицо.

— Вот, — сказал он. — Собачку нашел...

— Повезло, — кивнул Зимин. — Повезло. Хотели детскую площадку из железа строить, потом решили сэкономить. А то бы голова бо-бо...

Монголец потрогал лоб:

— Да уж...

— Надо бы зеленкой смазать. — Зимин подкинул в голос сочувственности. — Может обострение случиться... Хорошая собачка у тебя...

— Хорошая... Породистая собака.

— Вэйянский дог? — спросил Зимин. — Реликтовый чау-чау, первая собака-космонавт?

— У... — просительно сказал пес и посмотрел на Зимина.

— Сидеть, Шашлык! — Монголец ткнул собаку ботинком. — А то по ушам! Тоже мне, друг человека...

— Мучить будешь? — спросил равнодушно Зимин.

— Не знаю. — Монголец пожал плечами. — Может, и помучаю чуть-чуть, так, для интереса. Как настроение пойдет...

— Понятно, — снова зевнул Зимин.

— А ты что, увлекаешься? — В глазах Монгольца проскочил интерес. — Любитель собак? Может, это твоя собака?

— Не, — сказал Зимин. — Не моя. Она, наверное, ничейная. Бомжара.

— А то я продам, — Монголец ощерился ломаными зубами. — Стольник всего. Бери — не пожалеешь. Унты сошьешь.

— У меня на собак аллергия, — сказал Зимин. — А унты мне не нужны, у меня валенки есть финские.

— Все равно купи, — сказал Монголец. — Погляди, какой он жирный.

Монголец подергал собаку за шкуру, продемонстрировав степень упитанности.

— У... — жалобно промычал Шашлык. — У...

— Килограмм тридцать в нем чистого мяса, — подмигнул Монголец. — Замаринуешь с луком — такие шашлыки получатся! Или с кефиром. Отдам за семьдесят.

— Я не поклонник корейской кухни, — покачал головой Зимин.

— А мне по барабану. — Монголец потрепал собаку за ухо. — Корейская, французская... Уже давно по барабану. Не знаешь, может, кому надо?

Зимин почесал багетом затылок, сказал:

— В сто восьмую сходи. Там шкурник живет.

— Кто? — не расслышал Монголец.

— Кто-кто — шкурник. Фотограф Живодеров. Шапки делает. Из такого вот друга целых две получится. Во-на шерсти сколько. Можно валенки валять...

Монголец согласно закивал.

— Вообще-то это Шашлык, — сказал он. — Шашлык добрый. Я его с детства знаю... А сейчас, ну, сам понимаешь, не могу больше... Бабки нужны, хоть вешайся, плохо... А он от меня утром убежал, его Ляжка поймал. Я пошел искать, смотрю, он его волочет, я ему говорю, отдай собаку, а он мне, типа: я его в «Шаурму» только

так продам. Ну, я его за полтинник выкупил, а сейчас все, не могу...

— Полтинник... — задумчиво сказал Зимин. — Это ты переплатил, рынок обваливаешь... Ну да твое дело, мне пора.

Зимин сделал лицо как у Чингачгука, поглядел на часы и двинул домой.

— Ну и как хочешь, — сказал в спину Монголец. — А я тоже пошел отсюда.

Монголец притянул к ноге пса, пнул его коленом, после чего дурным рэперским голосом прочитал:

— Лис улыбнулся, а Принц загрустил, в ответе за тех ты, кого приручил...

Зимину показалось, что про Принца, Лиса и тотальное приручение он где-то уже слышал, кажется на внеклассном чтении, но задумываться об этом Зимину не хотелось. Он прибавил ходу, улица Промышленной Индустрии осталась позади. Монголец с собакой и идиотской песенкой остались позади тоже.

Зимин сломал багет, половину спрятал, другую стал объедать с более пропеченного края. Делал он это не из-за голода, а так просто. Батон приятно хрустел, к тому же это была традиция. Возле бесконечных лент кооперативных гаражей он батон спрятал и стал по привычке читать давно читанные надписи про Россию и ее великое будущее, про разную любовь и считать двери гаражей. На тридцать седьмой двери из прохода между гаражами высунулась бритая круглая голова горшкообразной формы. Голова осмотрелась, увидела Зимина и сказала:

— Зимин, это ты, что ли?

Голова принадлежала Ляжке, и был этот Ляжка действительно отнюдь не зашекоченным. Зимин не спешил отвечать голове, поскольку опасался, что едкий Ляжка тут же скажет: «А я думал, просто куча навалена...»

Но Ляжка этого не сказал. А сказал он следующее:

— Ладно, Зимин, не почкуйся, у меня к тебе дело есть.

Ляжка был прозван так отнюдь не случайно.

Из-за фамилии. Фамилия у Ляжки была довольно обычная — Ляшко. Однако едва он оказался в школе, как буйная фантазия сверстников почти мгновенно переделала его эту довольно обычную фамилию Ляшко в не очень благозвучную кличку Ляжка. Кличка Ляжке, честно говоря, шла: ляжки у него были на самом деле выдающиеся — большие и круглые, как и весь остальной Ляжка. У всех, кто их видел, сразу возникало желание треснуть по этим ляжкам линейкой или уколоть их циркулем...

Впрочем, помимо ляжек, Ляжка обладал и другими выдающимися достоинствами. Ляжка мог достать настоящие американские сигареты. Мог достать диск с базой данных УВД или редкий австралийский журнал про разведение кенгуру в домашних условиях. Мог приобрести через завхоза Петрушку пиво. Одним словом, в определенных жизненных моментах Ляжка был просто незаменим. Зимин однажды имел дело с Ляжкой — ему была нужна одна программка, а найти ее ни в Интернете, ни у знакомых не получалось. Ляжка достал ее за пять дней. Комиссионные и уровень ляжкинского сервиса Зимины вполне удовлетворили.

Ляжка.

Как ни странно это может показаться, но Ляжка был вполне доволен своим неблагозвучным прозвищем, поскольку на самом деле родители имя дали ему еще более загогульное — Владипер, а почему, неизвестно. Может быть, это была даже и ошибка работников ЗАГСа — но кто сейчас разберет? А разве можно жить в обществе с именем Владипер? Лучше сразу отравиться настоем

китайских спичек, чем жить с именем Владипер. Возможные варианты прозвищ ужасающи. А если обладатель подобного благородного имени невысок, толст и угреват, если на стенах его подъезда одноклассники написали «Балладу о Владипере» — сочинение, в котором рассказывалось про то, как однажды Ляжка пошел в лес по грибы, а попал в плен к лесным нимфам...

Короче, если все эти факторы скрещиваются на человеке, то жить этому человеку нелегко и безрадостно.

У некоторых изначально ущербность компенсируется денежным достатком и возможностью приобретать приятные вещи. Когда ты в состоянии позволить себе японский мопед — прыщи твоей души не так болезненны, не так заметны. У Ляжки денежного достатка не имелось, и все его прыщи были наружу. И зудели.

Мать Ляжки работала на железной дороге и любила играть в лото, отец бросил их пять лет назад, у него был чеченский синдром. Что он любил, Ляжка не знал, потому что все время, что Ляжка его помнил, отец лежал на диване и рисовал на потолке узоры лазерной указкой.

Сам же Ляжка любил дынный мармелад, коллекционировал постеры с симпатичными певицами, копил на поездку в Болгарию, потому что свято верил, что в прибрежных водах Болгарии водится столько лобстеров, что их можно ловить голыми руками. И ногами. Ничем, короче, Ляжка не отличался от миллионов своих сверстников. Было Ляжке тринадцать лет.

Ляжка выставился из-за гаража.

— Зима, иди сюда! — зашипел он и выпучил глаза. — Иди, не пожалеешь!

Зимин безразлично посмотрел на Ляжку.

Вид у Ляжки был несколько взволнованный. Да нет, Ляжка просто трясся от распирающих его чувств, глазки его просто выпрыгивали из орбит, собирались пой-